

Патриотизм представляет собой сложный когнитивно-эмоциональный комплекс, формирующий различные поведенческие и оценочные стратегии субъектов в культурной среде и социальном пространстве. В современных условиях глобальной трансформации мировоззрения, динамизма информационного поля патриотизм выступает одним из эффективных факторов консолидации и стабилизации изменяющегося пространства, что демонстрируют результаты проведенного исследования. В этой связи определение качественных характеристик патриотизма, условий его воспроизводства, возможных источников повышения значимости в общественном сознании приобретает статус одной из важнейших эвристических задач, стоящих перед современным гуманитарным знанием.

Беспалова Т. В., доктор философских наук, профессор, член Совета по делам национальностей при Правительстве г. Москвы

Bespalova T.V. doctor of philosophical sciences, professor, member of the Council for Nationalities under the Government of Moscow

ПОДВИГ, ГЕРОИЗМ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО FEAT, HEROISM, NATIONAL UNITY

В статье поднимается проблема социокультурной специфики героизма, причин проявления героического, обозначаются основные методологические подходы к исследуемому феномену. Особое внимание уделяется способам формирования и сохранения героики в период радикальных социокультурных перемен, в эпоху «войн памяти».

The article raises the problem of sociocultural specifics of heroism, the reasons for the manifestation of heroic, identifies the main methodological approaches to the phenomenon under study. Special attention is paid to ways of forming and preserving heroics during the period of radical sociocultural changes, in the era of "memory wars."

Ключевые слова: героизм, герой, подвиг, самопожертвование, национальное единство, межкультурный диалог.

Key words: heroism, hero, feat, self-sacrifice, national unity, intercultural dialogue.

Известный тезис Т. Карлейля *«почитание героев будет существовать вечно, пока будет существовать человек»* подвергся серьезному сомнению в современную эпоху «войн памяти», в связи с чем возникла угроза не только утраты национальной и культурно-цивилизационной идентичности, общей исторической памяти, но и человеческой сущности. Заявленная проблематика имеет огромное количество граней, поэтому в представленном исследовании мы остановимся на некоторых методологических аспектах исследования феномена героизма, проблемах социокультурного проявления героического и инструментального использования образа героя в процессах формирования национального единства.

Э. Ренан, рассуждая о метафорике, отмечал, что нации необходимо не только «тело», но и «душа». «Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна – в прошлом, другая – в будущем. Одна — это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая — общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством... Нация, как и индивидуумы, – это результат продолжительных усилий, жертв и

самоотречения. Культ предков – самый законный из всех; предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. *Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) — вот главный капитал, на котором основывается национальная идея. Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом* (курсив – Т. Б.). Любят пропорционально жертвам, на которые согласились, пропорционально бедам, которые пришлось перенести» [3].

Героическое прошлое, великие люди, истинная слава – национальная идея любой страны. Однако разница не только в различном историческом прошлом, но и в определении героизма в разных культурных традициях, формах проявления героики, способах ее проявления и отражении в культуре. Например, в русской традиции подвиг совершается не ради славы, и если она даже приходит, то это, во многом, воля случая.

Глубочайшие изменения в культуре XX–XI веков отразились на восприятии героики не только прошлого, но и настоящего времени. В условиях доминирования потребительских установок не только в российском обществе, во всем мире в какой-то момент подлинно героическое стало отвергаться, очерняться, игнорироваться, зато возникла и героизировалась целая плеяда псевдогероев, антигероев, суперменов. Чертами героев иногда стали наделяться злодеи (в мультипликации, кинематографе), в связи с чем выбор добра и зла стал затруднительным для молодежи, не имеющей устойчивой духовно-нравственной основы.

Помимо этого появились новые типы «героев», кардинально отличающиеся от лермонтовского «героя нашего времени», от героев античных времен, в целом от привычного представления героизма на уровне общественного сознания, сводя его к лидерству или причисляя к нему совершенно обычные повседневные поступки, которые в здоровом обществе являются обычной социальной нормой.

Процессы, связанные с масштабным сносом памятников героям, в 2020 году охватили весь мир. Причем глобальный сценарий связан не только с фальсификацией истории, но и с затрагиванием самых болевых точек истории народов и государств. Возникает ощущение, что человечество подошло к очередному рубежу, а глобальные силы взялись за обнуление мировой истории. В современном мире происходит переход от разрушения памятников советским солдатам в Европе, Прибалтике, на Украине, в Чехии к сносу более древних памятников, в том числе героям западных цивилизаций – Черчиллю, Рузвельту, Вашингтону, Колумбу и даже Иисусу Христу... Может быть, этот сценарий своим совершенно абсурдным (а на самом деле целенаправленным) уничтожением ключевых исторических фигур, которые являются знаковыми не только для отдельных цивилизаций, но и для всего человечества, в конце концов приведёт к пересмотру отношений между государствами, возродит межцивилизационный диалог на основе уважения исторических, культурных и религиозных традиций народов [1].

Несмотря на политическую реальность, объективные сущностные черты подлинного героизма и подвига все равно остаются неизменными на протяжении всего времени существования человечества.

Научный анализ героизма в большинстве работ сводится к его восприятию как некоей крайности, *положительного отклонения от социокультурной нормы*, стремления к сверхчеловеческому, совершению невозможного в любой сфере человеческой деятельности, формированию особого типа человека, способного рискнуть собственной жизнью ради общего блага (Карлейль, Ф. Ницше, С. Булгаков, Т. А. Апиный, В. Д. Плахов, И. Тэн и др.). Разделяем эту позицию.

Важнейший признак героизма и героического был обозначен Г. Гегелем – всеобщее признание, которое наступает в результате совершенно особого индивидуального проявления воли и сознания. Признавая объективные сущностные черты героизма, следует учитывать, что каждая культурная среда формирует собственные смыслы героического и героики в процессах национального бытийствования народа.

Философский подход к проблеме героизма заострен на обозначении его сущностных признаков, определении ценностей жизни, смерти, Бога, Родины, служения, греха, красоты, любви.

Исторический подход описывает героическую личность, историю совершенного подвига, поддерживает устойчивость пантеона героев, определяет значение героизма в истории государственности.

Политологический подход предполагает изучение инструментального использования героики/предательства в политике, сохранение общей исторической памяти и обоснование, соответствующей политическим вызовам, политики памяти и забвения.

Социологический подход интересен в русле исследования значимости подвига и героики для социума, трансформации образа героя в период радикальных социальных перемен (войны, революции, бунты, протесты), социокультурных форм проявления героического и изменения общественного восприятия героики/предательства.

Культурологический подход исследует героические образы в искусстве и культуре (литература, живопись, кинематограф, песенная культура и др.), семантику героического, значение героики/предательства в сохранении культуры и цивилизации.

Героика, составляя основу исторической памяти, сохраняет народ как субъект истории и политики и созданные им государство и цивилизацию. В эпоху роковых событий пантеон героев пересматривается, частично перечеркивает общее историческое прошлое – это бывает необходимо политической силе, которая спланировала радикально изменить социальную реальность. Однако это практически невозможно осуществить, так как память о героях одна из сильнейших.

Тем не менее, в эпоху радикальных перемен героев могут на какое-то время «сделать» предателями, а предателей – героям – надо ли прогнозировать чем обычно это завершается для государства и общества? Минимум – потерей легитимности, максимум – переворотом, революцией, майданом. Примером является современная Украина, где героизация «антигероев» привела к деструктивным политическим процессам, русофобии и антисоветизму.

Как формируется образ национального героя? Почему каждая историческая эпоха создает свой образ героя? Каков запрос на новый тип героя в 21 веке? Насколько социальный идеал может быть новым и каковы границы «дегероиза-

ции» старого идеала? Останется ли самопожертвование главной сущностной чертой героизма в будущем? Почему пантеон героев должен быть относительно устойчив? В чем социокультурная специфика проявления героизма в России? Как можно объяснить совершение героического поступка, помимо самопожертвования, природа которого в сфере иррационального? Вопросов много, ответы будут даны лишь на некоторые из них.

Отвечая на последний вопрос, отчасти можно допустить, что самопожертвование скорее всего объяснимо спецификой героического сознания. *Героическое сознание* (по Вико) воспринимает все происходящее с миром «как происходящее с самим собой», отсюда и возникает повышенная социальная ответственность за судьбу страны, народа, культуры и цивилизации. Такое восприятие мира встречается не так часто, поэтому воспринимается иногда на уровне повседневного сознания как «странность», но лишь до момента, пока обществом не осознан масштаб подвига, представляющего собой общественно значимое действие во имя высшего блага.

Героизм тесно связан с памятью, «вечной памятью», когда выбор определенного действия возникает в соответствии с особым чувствованием прошлого, настоящего и будущего. Такая «память подобна свободе – недостижимая, никогда не осуществляемая до конца, она всегда живет в памяти человека, ибо сплетена из мгновений восторга независимости от случайных переплетений судьбы, обжигающего ледяного воздуха своеволия, решимости бросить вызов всему миру, бросить свою жизнь ему под ноги. У большинства людей не было таких мгновений, многие только мечтали о подобной смелости, никогда не решаясь на поступок, никогда ничем не рисковали, но памятью о такой свободе обладают все люди, пусть подспудно, неявно, неосознанно. Как, наверное, воспоминания о тех редких моментах, когда они действительно были свободны, только испугались пойти до конца» [2, с. 35].

Способность человека рисковать жизнью, безгранично влиять на современников и потомков, заставляя поверить их в возможное воздействие на масштабные исторические и политические процессы, представляет собой только одну грань феномена героизма – непосредственно само осуществление подвига. Далее возникает процесс героизации индивида, оформление легенды и воспоминаний о нем, отражения в сферах культуры и искусства героического образа, его сакрализация и мифологизация.

Героические образы на протяжении истории народа сменяют друг друга, и в момент, когда часть имен великих людей уже устойчиво вошла в пантеон героев, иная его часть вымещается новыми именами, не по причине большей заслуги, а по объективным причинам смещения общественного внимания на других.

Герой в момент подвига обычно одинок. Герой появляется благодаря общественному признанию, обретает подлинную свободу, побеждает смерть (Христос), поэтому подвиг не ограничен хронологическими рамками, он вечен, властвует над временем, покоряя очередные поколения людей. Оптимизм и вера в себя характеризуют героическую личность, благодаря которой происходит возрождение идеала, культуры и достигается вневременная солидарность общества.

Какие еще черты присущи герою? Герою обычно свойственны критицизм и безупречная воля, способные подчинять, покорять не только свой народ, но даже врагов особым чувствованием проблемы, словом или действием, которое не вписывается в привычные социальные рамки. В научных работах по проблеме героизма принято разграничивать понимание героя как действительной личности и героя как социального статуса. Конструируемый или возникающий стихийно образ героя создает интегративное пространство общей исторической памяти, является идеологической основой определённых социальных групп. Изменение государственной или политической идеологии оказывает непосредственное воздействие на пересмотр пантеона героев.

Казалось бы, и подвиг, и преступление – это определенное нарушение социальных норм, тем не менее абсолютно каждый ощущает различие этих социальных явлений.

Интересно в этой связи изучение взаимосвязи «преступления и кары» и «подвига и награды» в работе (1914 год) П. Сорокина, как социальных механизмов формирования желательного и нежелательного поведения в обществе. Детальный анализ автором основных форм поведения – «преступно-карательныхъ и услужно-наградныхъ» приводит его к выводу о том, что последнее («наградное право») практически не исследовано в науке. Если у ряда народов, отмечает Сорокин, преступлением считается наступить на тень другого человека, то видимо нечто подобное происходит и с восприятием подвига. Определение преступления и подвига в диалектической взаимосвязи происходит на основе принципа *должного* (что должно считаться преступлением или подвигом)

и сущего (что есть преступление и подвиг, чем они были) [4]. На уровне должностования представление о подвиге у многих народов схожи, а на уровне сущего возникает множество различий (частностей).

Например, феномен «камикадзе» возник в японской культуре для обозначения пилотов-смертников и был лишь частью более широкого культурного явления «токкотай». Русские богатыри, символизирующие мощь, силу, державность великой России, не имели аналогов в мировой истории и культуре и т. д. Культура и религия обуславливают формы проявления героического в истории народов, а политическая идеология влияет на отражение героики в культуре и искусстве.

Героика советского времени подверглась наиболее масштабному пересмотру от фигуры Сталина, Кирова, Дзержинского до отдельных фигур, репрессированных в послевоенное время, что вполне объяснимо сменой идеологического курса государства в 90-е годы. Однако Сталин как верховный главнокомандующий уже вписан в живую народную память, которая сильнее всех попыток девальвировать память о нем. Инструментальное использование «символических фигур» памяти – И. В. Сталина, Николая II и др. приводят к разрушению национального единства российского общества. Например, деструктивные технологические смыслы фильмов «Матильда», «Смерть Сталина» использовались в качестве «спланированной провокации», мишенью которой были интересы различных групп людей – православных, коммунистов и др.

Уважительное принятие своей истории, континуальный взгляд на прошлое

во взаимосвязи с любовью к Родине, принятие трагического в собственной истории с точки зрения православной мудрости и интересов национальной безопасности – главное условие построения великого будущего. На наш взгляд, недопустимо перекраивать сложившееся в обществе представление о героике прошлого, сталкивать или сравнивать героев различных исторических эпох. Девальвация феномена героизма может принимать различные формы. Продвижение проектов «Бессмертный барак» или «Последний адрес» параллельно с интегративным проектом «Бессмертный полк» размывает грань между героем, предателем и жертвой и ведет к определенной конфронтации в обществе.

В советское время история переписывается отчасти в ущерб героике дореволюционной России и тогда не могло быть иначе по причине конструирования иного идеологического измерения прошлого. Именно на уровне частных дискуссий по поводу героики/предательства, а иная интерпретация героической истории касается героя как действительной личности, а не героя как социального статуса.

Феномен героизма тесно связан с войной.

Война, являясь одним из самых подражательных видов человеческой деятельности, культурно и религиозно обусловлена. На войне проявляются самые высшие и низшие человеческие качества. В русской философии особенно сложно обозначена сущность войны – как «озверения и потери человеческого облика... и великой любви, преломлённой во тьме» (Н. Бердяев), мистическое понимание оборонительной войны связывается с духовным пробуждением народа и духовной правдой. Одухотворение войны (при безусловном предпочтении мира автором статьи) становится политической и нравственной максимой в любое время, чтобы кровопролитие не превращалось в массовое убийство. Героизм на войне – это духовный подвиг.

Современное понимание войны и героизма возможно только после осмысления целого ряда понятий – «кошмарная война», «информационная война», «абсолютная война», «террористическая война», «война как самоцель», «война без причины», «война как поражение цели», «война как политическая акция», «кибервойна», «конфликты низкой интенсивности» и многих других.

Каждый тип войны создавал свой образ «героя. В конфликтах низкой интенсивности и подобного рода новых типах войн возникает особый образ героя, «невидимого героя» (спецназ, разведка, контрразведка и др.), имена которых знают только избранные. Память о таких героях обычно мифологизируется в своих кругах, они становятся «живыми легендами».

Гражданские войны, напротив, требуют практически полного забвения (хотя, скорее, верного оформления общих воспоминаний и умолчаний) не по причине невозможности объяснить, почему одна из сторон оказалась исторически побежденной/победившей, а *по причине возможной политической реанимации в будущем «тлеющего» в народной памяти конфликта.* Например, в Луганске в 1977 году был открыт сквер славы героев Гражданской войны, который в настоящее время приобретает особый символический смысл.

Война относится к роковым событиям в жизни любого народа, по мнению В. Н. Расторгуева, например, существует как бы две истории народа – до войны и после нее. Война (речь о справедливой «священной») – это духовная мобили-

лизация всех сил. Как писал о. Сергей Булгаков, в этот момент «ангельские воинства приходят на помощь миру человеческому». Именно война формирует строжайшую основу исторической памяти, являясь одновременно и бедствием, и проверкой силы народного духа. Иногда война является единственным способом победить зло и утвердить добро.

Любая война начинается с чувственного и идейного неприятия оппонента. Убийство на войне является вынужденным кровопролитием.

«...В настоящее время ряд убийств (убийство на войне, в случае необходимой самообороны, смертная казнь и т. д.) не считаются преступными актами, но напротив, ещё награждаются, как акты доблестные...индивид может совершить поступки из чисто эгоистических побуждений (личный мотив), и тем не менее, эти акты могут совпасть с общественными интересами, следовательно не будут «антиобщественными инстинктами». Примером первого типа могут служить те лица, которые пользуясь нормами закона, мстят своим недругами, основательно или неосновательно, обвиняя их в нарушении норм, охраняемых правом. Примером второй категории могут служить Христос, мученики, Сократ и т. д., несомненно нарушавшие общественные нормы, но столь же несомненно действовавшие не из «личных побуждений», а во имя высшего долга».

Сорокин выделяет 3 важнейшие черты подвига, которые можно считать объективными сущностными характеристиками феномена героизма:

- непротиворечие поступка с переживанием его долженствования (как своего, так и чужого);
- его сверхнормальность или избыток добродетельности, то есть выход за пределы обязанностей;
- добровольность этих актов [4, с. 98].

Таким образом, помимо указанных черт, внешнее проявление преступления и подвига может быть сходным, тогда как ключевой в определении подвига становится мотивация героического поступка и его обозначение как положительного социокультурного отклонения от нормы.

Героизм безусловно имеет объективные сущностные черты и, как бы это ни прозвучало, находится вне сферы нравственности и морали – на героический поступок в экстремальных условиях способен практически любой человек. Никто не сможет точно объяснить, как и почему совершается подвиг – это сфера иррационального. Почитание героев, создание пантеона героев каждым народом обуславливает создание привлекательного образа героя, поэтому независимо от нравственных черт, после совершения подвига герой наделяется лучшими нравственными характеристиками по причине достижения им невозможного.

Героями за все время развития человечества становились многие – ученые, военные, космонавты, государственные деятели, политики – каждый на своем месте совершал невозможное, но далеко не каждый становился признанным героем при жизни, да и после смерти. Условий для героизации индивида огромное количество, но определяющим становится общественное признание и стечение множества случайных и неслучайных обстоятельств. Легализация героики не всегда совпадала с ее легитимацией. Однако в большинстве случаев в пантеон героев действительно попадали очень редкие люди, которые становились

лись бессмертными благодаря народной памяти.

Героизм – сложное многоуровневое явление, обладает социокультурной спецификой, проявляется в экстремальных ситуациях. *Отражение социокультурной специфики героизма можно подробно исследовать в различных видах культурной деятельности, искусстве, этому требуется посвящать масштабные научные исследования.*

Таким образом, тезис Т. Карлейля о вечном почитании героев оспорить невозможно, пока существует человечество. Единственное, не стоит забывать об инструментальном использовании героизма в политических процессах, поэтому требуется не только оберегать героическое прошлое в его социокультурных формах проявления, но и своевременно фиксировать и защищать героики настоящего в интересах национальной безопасности России.

Литература и источники

1. Russia's response to new types of threats of the XXI century / Bepalova, T. [et al.] // Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020). – 2020. – Vol. 210 – Number 16025.
2. Губин, В. Д. Метафизика памяти / В. Д. Губин. – М., 2017.
3. Ренан, Э. Что такое нация? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php – Дата обращения 10.06.2020.
4. Сорокинъ, П. А. Преступление и кара, подвигъ и награда. Соціологическій этюдъ объ основныѣхъ формахъ общественнаго поведенія и морали / П. А. Сорокинъ. – С.-Петербургъ, 1914.

Вилисов М. В., ведущий научный сотрудник центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН, доцент кафедры государственной политики, факультет политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

Vilisov M. V., Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research at INION RAS, Associate Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, candidate of political sciences

АВТОРИТЕТ СЛУЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕФОРМАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ THE AUTHORITY AND POWER OF “BEING ON SERVICE” IN THE CONTEXT OF INFORMAL GOVERNANCE

Страны постсоветского пространства давно находятся в фокусе внимания с точки зрения изучения переходных процессов социально-экономических и политических трансформаций после распада СССР. Зачастую с этими процессами связываются неудачи в построении формальных общественно-политических институтов по международным образцам. При этом недостаточное внимание уделяется аспектам неформального управления, практики которого существуют независимо от политических режимов и общественно-политических формаций, весьма устойчивы и имеют амбивалентную природу. Их негативная сторона, проявляющаяся в формате коррупции, «захвата государства», клиентелизма и других аналогичных явлениях, как правило, чаще привлекает исследователей, чем позитивные проявления. Авторитет служения как раз и относится к таким незаслуженно забытым явлениям. Задача современных социальных наук – вернуть эту тематику в поле научного анализа.

The countries of the post-Soviet space have long been in the focus of attention from the point of view of studying the transitional processes of socio-economic and political transformations after the